

Евгений Голубовский

«Тают зеркала в пустыне комнат...»

Назвал эту статью строкой из стихотворения поэта Ефима Ярошевского, посвященного художнику Михаилу Черешне. Приведу целиком последнюю строфу этого стихотворения, так как сквозь сюрреалистическую поэтику проступает образ судьбы художников – поэта и живописца:

Тают зеркала в пустыне комнат.
Время движется к весне.
Кто нас помнит? Нас никто не помнит.
Дикий снег заносит нас во сне.

Думаю, важный и болезненный вопрос для каждого творческого человека: «Кто нас помнит?». Жесткий и горький ответ, в котором судьбы многих, работавших для себя, «в стол», в уединение мастерской, не для издательств и выставкомов, – «Нас никто не помнит...». Ответ действительно жесткий, но, как показало время, не окончательный приговор. Помнят!

Черешня как-то сказал мне, отказываясь от предложения сделать выставку во Всемирном клубе одесситов: «Ты ведь знаешь, я человек не публичный». И это правда, он даже у себя в мастерской редко и не всем показывает новые работы.

За семьдесят пять лет жизни одна персональная выставка в Одессе, в галерее «Артис», которой руководила Наталья Межевчук, и одна персональная выставка в Петербурге, где Миша учился (тогда еще в Ленинграде) в училище имени В. Мухомовой, не менее прославленном, чем Академия художеств (Институт имени Репина).

И, наконец, событие. 75-летие мастера Музей современного искусства Одессы отметил его персональной выставкой, показав свои картины, взяв работы у коллекционеров, уговорив художника принести новые холсты...

Младший брат – Валерий Черешня, талантливый поэт, живущий в Петербурге, пишет о себе, но многое может быть спроецировано и на старшего – Михаила:

«До 20 лет жил на Дерибасовской (что комментария не требует). В 20 лет почувствовал невозможность дальнейшего существования в пряной духоте талантливого бульона, именуемого Одессой, и отправился в Ленинград, город открытого пространства и строгой архитектуры...»

Это «открытое пространство и строгая архитектура», не говоря уже о музеях, тогда манили многих. Не случайно в одно время с Мишей Черешней в Ленинграде учились Аня Зильберман и Семен Гармиза, Орест Слешинский и Валентин Филипенко, и многие другие – в 60-80-е годы. На мой взгляд, одесситам переключка Южной и Северной Пальмиры была ближе. Во всяком случае, в Ленинград ехали учиться чаще, чем в Москву, в Киев, в Харьков или во Львов.

Окончив Мухинку, Миша вернулся в родную, хоть и «пряную духоту талантливого бульона». Что это значило для него, для его ближайшего друга художника Шурика Рихтера (тогда никуда не ездившего), легко почувствовать, читая один из наиболее популярных одесских самиздатовских текстов 70-80-х годов, ныне опубликованный разными изданиями – «Провинциальный роман(с)» Ефима Ярошевского.

Вот несколько строк из главки «Спина захолустного Антиноя», посвященной Мише Черешне и Шурику Рихтеру:

«– Ну, ребята, а теперь посмотрим гравюры. Шурик, посмотрим?»

Все начали смотреть. Шурик, беспощадно зажав зубами окурочок, что-то сказал. Что-то касательно гравюр.

– Шурик, все это уже было, – заметил Миша. Безмерная тысячелетняя усталость затаилась в его спине. – Было, было. Все было.

– Черешни еще не было, – поддразнивал его Шура.

– Неправда. Я был. В моей первой жизни. В четырнадцатом веке. В испанских колониях. На Кордильерах. Меня тогда зарезали. Как еврея. Но я был. Меня помнят историки. Так что... как видишь...»

Если бы я писал биографический очерк (маленький томик серии «Жизнь замечательных людей» – ЖЗЛ), может, я назвал бы его: «Безмерная тысячелетняя усталость затаилась в его спине». Вряд ли с таким длинным названием любое издательство согласилось бы. Но в качестве эпиграфа – наверное.

Передо мной задача куда более локальная – попытаться определить место Михаила Черешни в художественном пространстве Одессы. А в том, что его негромкое присутствие (антипубличность!) значимо, у меня никогда не было сомнений.

В 1980 году, тридцать лет назад, фотограф Валентин Серов выпустил два самиздатовских альбома «Художники Одессы». Это фотолетопись альтернативного искусства 60-70-х годов. Во второй выпуск наряду с Алтанцом, Божко, Князевым, Ковальским, Морозовым, Степановым вошел и Черешня. Автобиография короткая: «...родился 1 марта 1938 года в Одессе. В 1966 году окончил ЛВХПУ им. Мухиной. Работаю в Художественном фонде».

Там же три черно-белых фотографии картин. Даже в монохромном воспроизведении они говорят о творческих предпочтениях автора. И фотография, снятая на балконе квартиры, на Дерибасовской, 17, где рядом с Черешней – Алтанец, Стовбур, Рисович...

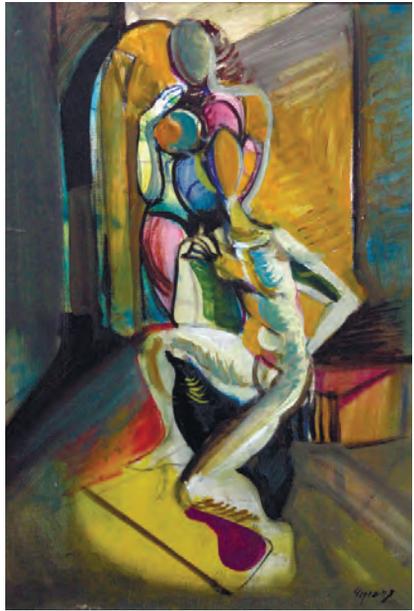
Пожалуй, и на квартирных выставках я не помню работы Черешни, только на выставке в квартире Вити Рисовича. А вот начиная с «перестройки», с оживлением социальной и художественной жизни в стране, в городе, Миша Черешня на какое-то время прерывает свое затворничество. Его работы появляются на выставках ТОХа (возникло такое художественное объединение), в галерее «Либерти», наконец, небольшая, но достойная выставка в «Артис». В связи с этой персональной выставкой я опубликовал в газете «Вестник региона» статью «Трещина, соединяющая мир» искусствоведа Ольги Савицкой, выпускницы нашей Грековки, учившейся в Ленинграде и жившей между Одессой и Ленинградом-Петербургом. К сожалению, в последние годы мы реже обращаемся к ее творческому наследию (Оли уже нет среди нас), а она была талантливым исследователем и знатоком одесской художественной школы. Тем важнее зафиксировать, что единственная статья, посвященная творчеству М. Черешни, была написана Ольгой Савицкой.

Вот как она заканчивала свое эссе:

«Повышенный градус эмоций. Звонкая и щемящая нота... В богатом мире одесской живописи, где есть художники хорошие и очень хорошие, эта краска принадлежит только герою данной выставки».

Своеобразие. Действительно, картины Черешни на любой выставке узнаваемы. И это свойство не только работ последних лет. Таким он входил в живопись. В мемуарах Дины Михайловны Фруминой несколько абзацев посвящены этому ее талантливому ученику, окончившему училище в 1960 году. Вспоминает Дина Михайловна, как трое друзей – С. Сычев, А. Рихтер и М. Черешня – делали на диплом фреску, которую тогдашний директор В. Соколов приказал смыть как формалистическую. За разви-

тием творчества Миши Черешни наблюдала Дина Михайловна и в дальнейшем. «Уехав в Ленинград, – пишет Фрумина, – поступил на монументальный факультет училища имени В.И. Мухиной. Окончив, вернулся в Одессу, участвовал в выставках произведениями монументально-декоративного характера – занятыми и своеобразными. Показывая их в Петербурге, стал членом Международного союза художников при ЮНЕСКО. Приобретаем коллег-лекционерами и ценителями современного в изобразительном искусстве».

«Ценителями современного в изобразительном искусстве» – важное признание из уст Д.М. Фруминой.

Что же оно обозначает?

Конец 50-х годов («оттепель»!) – был временем открытия (я бы сказал – приоткрытия) импрессионистов и постимпрессионистов молодыми художниками, на которых был поставлен крест запретом соцреализмом. Пусть по немногим альбомам в отделе искусства библиотеки имени Горького, в частности, альбомам знаменитых собраний Морозова и Щукина, ставших Музеем новой западной живописи, происходило приобщение к французской живописи конца XIX – XX века. Потом уже будут экспозиции Эрмитажа и музея имени Пушкина в Москве, богатая библиотека Академии художеств... Непременно должен сказать, что Миша Черешня один из самых образованных художников в то время в нашем городе. Музыка, поэзия, архитектура – все это не прошло мимо него, а вошло в его духовный мир естественно и навсегда.

Много давало общение с художниками старших поколений, такими, как Илья Шенкер и Амшей Нюренберг. Его первые работы, которые я видел, кажется, были в кругу поисков его сверстников – шестидесятников – Люсика Межберга, Миши Матусевича, Лени Межирицкого, возвращавших одесский пейзаж в импрессионистическую привлекательность. Таков, например, пейзаж, яркий, активный в цвете, – «Дерибасовская». Но постепенно художник почувствовал, что наслаждения импрессионизмом достаточно. Этот благодарный опыт позади. Его миром становится мир интерьеров, пустых комнат, зеркал и зазеркалья. И вот тут открывались два пути – сюрреалистических картин и лирически экспрессионистских сюжетов.

В коллекции Музея современного искусства Одессы находится одна из его сюрреалистических композиций. Вот где проявилась учеба на монументальном факультете. И все же настолько внятно сюрреалистических полотен у Черешни немного, хоть и в них он остается самим собой, узнаваемым по цвету, по манере письма. Главная линия его творчества пошла в русле экспрессионизма, очевидно, не без интереса к творчеству Хаима Сутина, хоть говорить о прямом влиянии, очевидно, не нужно.

Говоря о еврейской составляющей одесской школы, мы чаще всего называем имя Иосифа Островского, хоть могли бы вспомнить Александра Фрейдина, Изю Клигмана, Зою Ивницкую. В этом ряду Миша Черешня должен был бы называться одним из первых. Не тематически, не сюжетно, скорее, духовно воспринял он традиции еврейских художников «парижской школы».

«Безмерная, тысячелетняя усталость затаилась в его спине». Это ведь не столько словесный портрет художника, скорее словесное отражение («зеркало») десятков его картин. Среди них и одинокая фигурка в интерьере, и одинокий (безлюдный) интерьер с мебелью, тесно его заполняющей, отчего он кажется еще более одиноким, и интерьер – автопортрет у мольберта и семья в глубине пространства (не парафраз ли это знаменитых «Менин» Веласкеса?!). Один из таких автопортретов из коллекции Феликса Кохрихта был на той юбилейной выставке, другой, еще более эпатажный, когда-то купила поэт Эвелина Шац, и он украшает ее студию в Италии...

На первый взгляд, живопись Черешни кажется легко написанной, импровизационной. Эта импровизационность возникает благодаря экспрессии мазка, столкновению цветовых диссонансов, которые уверенная кисть художника в конце концов приводит к напряженной, экспрессивной гармонии.

Так многократное движение кисти по холсту, мазок к мазку, в течение всей жизни накапливает «тысячелетнюю усталость».

Одесской школе живописи, впитавшей и опыт петербургского образования, нисколько ей не повредивший, а напротив, еще более усиливший корневые основы родного Юга, есть чем и кем гордиться. Михаил Черешня – тому достойный пример.